

М.К. Мусаева

МУЖЧИНЫ И «МУЖСКОЙ» КОМПОНЕНТ В ТРАДИЦИОННЫХ РОДИЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА¹

Родильная обрядовая практика как часть традиционной семейной обрядности, как часть этнографии детства различных народов, в том числе и народов Дагестана, на сегодняшний день является областью, исследованной в достаточной степени полно [Гаджиева 1985: 271–287; Рагимова 2001: 54– 62; Карпов 2001: 16– 203; Мусаева 2006: 19–103]. Воспринималась и исследовалась эта тема, как правило, как «женская», поскольку вся обрядовая практика проходила под руководством и с участием женщин и детей. Однако следует отметить, что «мужское» и мужчины также присутствовали в родильной обрядности, как необходимый компонент, хотя их роль не была столь заметна и значима, как женская.

Статусы и роли мужчин и «мужского» в системе обрядовых практик родильной обрядности представляют не меньший интерес, чем участие женщин и «женское», хотя и весьма специфичны — от наблюдателя до непосредственного участника, что придавало статусность событию, узаконивало происходящее в глазах общества.

Круг мужчин, включенных в родильную обрядность при рождении дочери, был ограничен только домочадцами (отцом ребенка, дедом). В другой ситуации — рождение сына — он расширялся до участия большинства мужчин общества и даже соседних обществ.

Многие приметы, представления, манипуляции, связанные с родильной обрядовой практикой, имели также четкую гендерную направленность. Были приметы, манипуляции, якобы

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта (№ 13-01-00079).

помогавшие зачать именно мальчика, некоторые из них выполнялись при встрече невесты и в брачную ночь. У даргинцев, в частности, считали, что если часто подавать *садакъя* (мило-стыню) мутааллимам — учащимся медресе, то первенцем в семье всегда будет мальчик [Соловьева 1995: 65].

Существовали приметы, якобы позволявшие определить заранее пол будущего ребенка. Бытовало поверье, что если беременная подурнела, появились пигментные пятна на лице, отекли губы и ноги — родится дочь, т.к. она якобы крадет половину красоты матери. С целью предугадать пол будущего ребенка следили также за содержанием снов беременной и ближайших родственников, и чем ближе был срок родов — тем пристальнее. В с. Усиша (совр. Акушинский р-н РД) существовал очень жестокий, на наш взгляд, обычай определения будущего пола ребенка. Брали только что родившегося котенка, клали в тазик и сильной струей воды поливали сверху, если котенок задыхался, считали, что родится девочка, если нет — мальчик.

Значительное место в приметах, якобы определявших пол ребенка, отводилось различным аналогиям. В частности, если у предыдущего ребенка затылок был гладким, считали, что родится мальчик, если на затылке была лошинка с полоской волос («косичка») — ожидали девочку. В народе верили, что мальчик зарождается в правой стороне живота матери, а девочка — в левой. Возможно, с этим связан был совет — после близости с мужем поворачиваться именно на правый бок.

У всех народов Дагестана, за исключением табасаранцев, доходным промыслом которых считалось ковроткачество (в Дагестане это сугубо женское дело), отдавалось предпочтение рождению ребенка мужского пола. Это было связано со многими причинами: прежде всего с половозрастным разделением труда, в силу которого «мужская» работа считалась социально более значимой, чем «женская», да и социальный статус мужчины был и остается выше женского. Рождение мальчиков иногда обеспечивалось обществом и экономически. Например, у аварцев Тилитля был обычай, по которому отцу семерых сыновей выделялся как бы в награду особенный участок земли.

В таком предпочтении важную роль, возможно, сыграла также традиция, при которой девушка после свадьбы обязательно уходила в дом мужа («девочка — камень в чужой стене», «девочка — чужое богатство»), в то время как сын считался продолжателем рода, который к тому же должен привести в дом дополнительные рабочие руки — жену.

В подавляющем большинстве случаев женщина в Дагестане рожала в доме мужа. Даже разведенную женщину в некоторых обществах отправляли рожать к бывшему мужу, т.к. ребенок считался его собственностью.

В день предстоящих родов во многих обществах мужчины, даже соседские, предпочитали уходить за пределы села. Известно, что во время родов муж уходил из дома у многих народов Кавказа — чеченцев, адыгов, черкесов-шапсугов и т.д. [Дубровин 1871: 336; Кунина 1940: 23]. Но чаще всего в Дагестане муж во время родов находился вне помещения, где-нибудь поблизости, т.к. считалось, что это облегчает роды. Охранительный смысл придавался не только присутствию мужа, но и использованию вещей, принадлежащих ему. При затяжных и трудных родах у салатавских, андалальских, койсубулинских аварцев, в обществах Джурмут, Таш [Мусаева 2006: 48], у кайтагцев, хваршин [Алимова 1998: 154; Мусаева 1995: 107] давали выпить воду из обуви мужа. Похожий обычай существовал и у других народов Кавказа.

Вообще присутствие компонентов «мужского» и мужчин в родильной обрядности более всего заметно именно во время трудных родов. В частности, практически повсеместно с крыши дома, где проходили роды с осложнениями, близкий родственник производил выстрел в воздух. Считалось, что от страха женщина должна разродиться быстро. У лакцев в качестве стрелка на крышу рожавшей женщины приглашали человека, который когда-то совершил убийство [Омаров 1886: 49].

Ряд средств, применявшихся аварскими повитухами и знахарями при тяжелых родах и не названных нами выше, описал в свое время Г.Ф. Чурсин. В частности, он сообщал, что ближайший родственник роженицы шел в мечеть и двигал *мимбар* — деревянную кафедру, с которой кадий произносил речи; часто

при осложнениях во время родов вызывали мужа и просили перешагнуть через жену [Чурсин 1995: 24–29]. Имели место случаи, когда к роженице, находившейся на грани смерти, приводили опытных чабанов или местных костоправов, которые ножом разрезали живот и извлекали ребенка, живого или мертвого. Подобных манипуляций, обрядов и действий, в которых участвовали мужья и другие родственники мужского пола и просто мужчины, в каждом обществе было множество с небольшими вариациями.

При рождении мальчика-первенца отец его резал барана, на угощение созывались родственники, друзья и просто односельчане. Рождение девочки встречали более сдержанно. Радостную весть о рождении мальчика каждый старался первым донести до близких родственников: родителей мужа, роженицы, дядек, теток, старших сестер и братьев. За это первовестнику полагался подарок.

Например, у койсубулинцев выбегала одна из помощниц и выкрикивала, если родился мальчик: «В стену камень вставили!» («*Къедалъ къоно лъуна*») и далее по цепочке. Когда весть доходила до отца или деда, они выходили на крышу и стреляли в воздух, возвещая о рождении сына, и тут же метили скотину, которая была подарком ребенку. Когда же рождалась девочка, говорили: «Из стены камень забрали» («*Къедаса къоно босун ана*»). И якобы отец девочки три дня прятался.

Стрельба с крыш домов при рождении сына у народов Дагестана была повсеместным явлением. Например, в аварских обществах Карах (с. Гочоб, Тлярош), Андалал (с. Кудали, Согратль и др.) по случаю рождения сына обычно стреляли сначала с крыши дома роженицы, затем с крыш всех родственников отца и матери ребенка [Гаджиева 1985: 277]. Вообще стрельба с крыш была своеобразным обнародованием факта рождения еще одного защитника семьи и общества, своего рода социомаркирующим моментом для ребенка.

Самые первые обрядовые практики в жизни ребенка мужского пола, проводимые с пуповиной, а также первое купание новорожденного были направлены на «формирование» его гендерной ориентации. В частности, пуповину мальчика обязательно пере-

резали ножом или кинжалом; если ребенок рождался во время работы в поле (что довольно часто случалось в страдную пору), девочке пуповину перерезали серпом, мальчику же пуповину предпочитали отбить камнем.

Очень важным этапом в обрядовых практиках родильного цикла, в котором, кроме муллы, принимал участие муж, дед и большое количество мужчин общества, являлось имянаречение новорожденного мужского пола (имянаречение девочки отмечалось в узком домашнем кругу, с присутствием женщин и детей). Этот обряд является первым официальным этапом социализации ребенка — не только на уровне семьи, но и общества в целом.

Следующим обрядовым действием с участием мужчины (чаще деда или дяди новорожденного, реже отца) была «первая стрижка» волос новорожденного. Стрижка «утробных» волос входила в цикл обрядовых практик, которые приурочивались обычно к 40-му дню после рождения ребенка. В традиционных представлениях практически всех народов мира волосы наделялись особой семантикой. Салатавские, койсубулинские аварцы считали, что, если до 40 дней дотронешься до головы ребенка, омовение для намаза пропадет; что не сам ребенок, а его голова небритая, с «утробными» волосами, является «нечистой». Считалось, что волосы фокусируют в себе некие жизненные силы. Особенно прочными были представления о связи волос и памяти, рассудительности, способности говорить. В этой связи становится понятным ритуальное оформление этого обыденного, гигиенического действия.

Для стрижки волос к младенцу мужского пола приглашали родственника с хорошими густыми волосами, или брил сам дед, реже отец. Состриженные волосы во многих случаях заворачивали в чистую тряпочку и прятали в кладке стены повыше или в щели под потолком. Возможно, обычай как можно выше под крышу поднимать первые волосы, был связан с желанием магически воздействовать не только на рост волос, но и на рост ребенка вообще. Подобные представления существовали не только у народов Дагестана, но и у многих народов Западной Европы (словаков, хорватов и т.д.) [Кашуба, Мартынова 1997: 89–90].

Таким образом, несмотря на то что роль главного действующего лица — новорожденного мальчика, в родильной обрядовой практике пассивна, все остальное «мужское» наиболее ярко выражено в действиях сложных, критических и социомаркирующих: тяжелые роды, имянаречение, стрижка утробных волос. Возможно, это связано с тем, что «мужское», в отличие от «женского», — более мощное и способное защитить как ребенка, так и все, что его окружает в момент адаптации в мире людей.

Библиография

Алимова Б.М. Кайтаги. XIX — нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.

Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1985.

Дубровин И.Ф. История войны и владычества на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1.

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.

Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Югославянские народы // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы. М., 1997.

Кунина А. Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940.

Мусаева М.К. Хваршины. XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.

Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала, 2006.

Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1886. Вып. 1.

Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX — начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001.

Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995.

Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. Махачкала, 1995.